УДК 323.2

БОЛХОВИТИНА Т.С.

Политическая модернизация и политическое участие: актуальные аспекты теоретической концептуализации

В статье раскрываются сущность и особенности политической модернизации общества в условиях демократизации общественной системы, возможные противоречия данного процесса. Анализируются основные модели политического участия. Предлагается авторская интегративная модель политического участия.

Ключевые слова: политическая модернизация, политическое участие, модели политического участия, демократизация общества.

Модернизация представляет собой многогранный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политическую, духовную. Он предстает в качестве одного из вариантов прогрессивного развития, в результате которого происходит «осовременивание» общества, его демократизация, переход в новое качественное состояние.

И.П. Кравченко отмечает, что модернизационный процесс включает в себя две составляющие: инвентивный процесс (invention – открытие) и процесс внедрения открытий (innovation – нововведение). Однако процесс модернизации может состоять и из одного из них в зависимости от характера модернизации как формы развития.[1]

Особенностью политической модернизации является то, что изменения в институциональной сфере должны вести к демократизации политического режима, форм и методов правления. Препятствовать данному процессу могут, по мнению С. Ланцова, две основные причины.[2] Первая – отставание от изменений в других сферах жизнедеятельности общества. Подобный разрыв способен стать причиной политического кризиса. Другая причина состоит в том, что к быстро протекающей демократизации может оказаться не подготовленным гражданское общество в целом, его институты в частности. В таком случае также велика вероятность возникновения кризисных ситуаций.

Успешной модернизации, как полагают В.В. Лапкин, В.И. Пантин, способствуют два фактора: 1) внутренняя готовность модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные «правила игры» для основных политических акторов; 2) желание и способность наиболее развитых стран оказать модернизирующемуся обществу эффективную экономическую и политическую помощь, смягчив тяжесть проводимых реформ.[3]

В модернизационном процессе неоценима роль государства. При этом не должно быть принудительной модернизации – она плохо отражается на обществе. Речь может и должна идти о руководящей роли государства в преобразовании политической сферы.[4] Ведь именно оно является тем центром, к которому обращены требования общества, без которого государство бессильно предпринять радикальное реформирование. Роль государства состоит в устранении административных, бюрократических, организационных и иных барье-

ров на пути внедрения инноваций во всех сферах общественной жизни, осуществления социально-экономических, политических реформ, направленных на демократизацию общественной системы.

Следует иметь в виду, что общество неоднородно и по отношению к модернизации может быть разделено на активных сторонников и безучастных граждан. Успех модернизации зависит от того, насколько мобилизуются его сторонники. Если государство не модернизируется само и избегает модернизации общества, наступают эпохи кризисов. Подлинно эффективная модернизация возможна лишь при активном взаимодействии власти со всеми субъектами политической системы.

Сложность модернизационного процесса обусловливает различного рода опасности и ловушки, среди которых исследователи выделяют, в частности, верхушечный характер модернизации, раскол между модернизирующимися и консервативно настроенными слоями, отрыв реформаторской политической элиты от масс и др.[5] Не случайно поэтому история модернизаций знает срывы, застои, попятные движения.

В ходе модернизации возникают конкретные противоречия между институтами, принадлежащими к разным стадиям модерна, что обусловливает нелинейный характер модернизационных процессов. Это является характерным даже для стран первичной модернизации, которые периодически переживают политические кризисы. Еще более зигзагообразными, неравномерными предстают процессы модернизации в странах «догоняющего» развития, где периоды радикальных изменений сменяются периодами «застоя» и стагнации. В результате происходит либо деградация политической системы, либо ее переход в качественно новое состояние, что предполагает корректировку политического курса, смену политических ориентаций массовых слоев общества.

Политическая модернизация сталкивается с рядом противоречий, связанных с дифференциацией ролей и функций в политической системе, императивами равенства и возможностями политической системы к интеграции. Анализ этих противоречий позволяет прогнозировать потенциально возможные конфликтогенные зоны, затрагивающие область политических решений, и преодолевать возможные кризисы.

Для процессов модернизации характерно сложное взаимодействие современных и традиционных институтов, вследствие чего появляются проблемы и трудности, например, ограниченность ресурсной базы, что может проявляться в периодическом усилении традиционализма, а также тенденций, которые А. Турен назвал контрмодернизационными. Отсюда, как отмечает В.И. Пантин, высока вероятность появления волн модернизации, которые делают многоплановым, многоаспектным поступательное развитие.[6]

Отход от демократической модернизации невозможно объяснить специфическими обстоятельствами той или иной страны. Универсальные, общепризнанные ценности, такие как правовое государство, гражданское общество, рыночная экономика, политический плюрализм и др., актуальны для всех, кто встал на путь модернизации. Другое дело, что в модернизационном процессе необходимы последовательность, постепенность, своевременность преобразований, их адекватность ресурсному потенциалу. В случае рассогласования целей и задач модернизации с действиями правящего режима падает уровень поддержки режима, в обществе возникает кризис легитимности власти.

Модернизация политической сферы предполагает вовлеченность граждан в процесс политико-властных отношений, прежде всего посредством участия в выборах, избирательных и иных политических кампаниях, определение оптимальных границ политического участия с точки зрения стабильности системы. При этом от того, как граждане понимают и оценивают свою роль, место, статус, материальное положение в обществе, зависит, какой модели политического поведения они будут следовать.

Как известно, классической теорией политической активности (С. Верба, Н. Най) признана базовая (стандартная) модель участия. В качестве основных факторов активности в ней выделяются социально-де-

мографические характеристики населения (пол, возраст, образование, место проживания, социальный статус и др.).[7] Исследования, проведенные в ряде стран, свидетельствуют о том, что наибольшую активность проявляют представители средне- и высокостатусных групп. Неактивны граждане с низким уровнем образования, безработные. Образованные граждане, напротив, демонстрируют более высокую степень политического участия в избирательном процессе. Относительно невысок уровень активности молодежи.[8] Все это свидетельствует о том, что современное общество является настолько сложно социально дифференцированным, что требует постоянного учета социальных факторов, влияющих на политические предпочтения социальных групп и категорий граждан, и выявления их иерархии.

Обусловленность политических действий индивидов социальными факторами исследовалась А. Лейпхартом, П. Бурдье. Они пришли к выводу, что люди, обладающие схожими капиталами (уровень образования, статус, материальный достаток), будут занимать в социально-политическом пространстве близкие позиции, тяготеть друг к другу. В результате в обществе будут складываться группы, объективно отличающиеся друг от друга, и то, какую нишу будет занимать каждая из них в обществе, существенным образом будет влиять на индивидуальное поведение, определять образ жизни человека, его политические установки и предпочтения.[9] Следует отметить, что в современный период зависимость влияния социальной принадлежности на политический выбор ослабевает, политическое поведение становится более свободным. Тем не менее роль статусных характеристик в выборе политических предпочтений гражданина требует обстоятельного учета характера и степени их влияния на результаты политического участия.

Согласно либеральной модели политического участия, описанной С. Липсетом и Д. Лернером, характерной для стран с рыночной экономикой, именно динамичное социально-экономическое развитие обусловливает сглаживание социального неравенства, а следовательно, оказывает влияние на демократический характер политического участия, в частности его направленность на поддержку демократической политической системы, эффективную институционализацию политической деятельности.

Популистская модель политического участия, как отмечают С. Липсет, Д. Лернер, исходит преимущественно из форм прямого (неинституционализированного) участия, предполагающего перераспределение различных общественных благ путем обещаний и деклараций. Усиление подобного рода участия в политике препятствует экономической модернизации, ведет к подрыву политической стабильности. Нерешенные проблемы накапливаются, увеличивая количество требований, предъявляемых к политической власти. В результате политическое участие не ведет к укреплению политической системы, а, напротив, вызывает центробежные тенденции в обществе, дестабилизирует политическую систему, осложняет течение политических процессов.

Популистские лозунги, как правило, активизируются в кризисные периоды развития общества. Особенно активно популизм используется в ходе избирательных кампаний, сопровождается выдвижением демагогических лозунгов, камуфлированием истинных политических намерений, манипулированием общественного мнения.

В условиях модернизирующегося общества проявляет себя когнитивная модель политического участия, основанная на учете субъективного представления, определенных знаний, информации и социально-политической реальности. Согласно базовым положениям когнитивной модели политического участия, человек делает свой политический выбор в информационной среде, которая формирует определенное смысловое поле. При этом следует иметь в виду, что индивид уже обладает полученными в ходе политической социализации знаниями и представлениями, позволяющими ему ориентироваться в политической реальности и выражать свое отношение к происходящему. Так, в результате «стыковки» внутренней и внешней информации человек получает уни-

кальную возможность интерпретировать ожидания других людей, формирует собственную установку на необходимость участия в принятии решений.

Разумеется, процесс осознания политической информации весьма индивидуален: он может быть активным и пассивным. Первый характеризуется углубленным, всесторонним осмыслением получаемой информации, выстраиванием четкой логики аргументов, оценкой их состоятельности. Второй отличает простое, некритическое восприятие информации, полное доверие к ее источнику. В результате политический выбор вряд ли может быть рациональным. Очевидно и то, что огромное количество политической информации не ведет ни к более полному распространению политических знаний, ни к повышению их качества, ни к более высокому уровню общественного участия. Д. Дзоло в этой связи отмечает, что «когнитивный дифференциал» между распространителями информации и ее получателями, отнюдь не уменьшаясь вследствие «совместного обладания» этой информацией, напротив, обнаруживает тенденцию к ее многократному увеличению. Те, кто имеет в своем распоряжении более значительные экономические, культурные и политические ресурсы, могут распоряжаться имеющейся у них информацией с большой выгодой для себя; те, кто не имеет, не в состоянии извлечь из этой информации какую-либо выгоду. Все это только усиливает асимметричную природу политической коммуникации и деформирует политическую мотивацию граждан.[10]

В когнитивной модели политического участия заметно проявляет себя такое явление, как конформизм, который проистекает не только из того, что сказано, из того, что не сказано, но и из того, что незаметно исключено коммуникативными фильтрами из повседневной сферы общественного внимания. Поэтому конформизм не ведет к смене установок, определяющих отношение индивида к тому или иному политическому субъекту (партии, лидеру). Тем более, если у индивида не сложилась партийная идентичность, он не намерен тратить свою когнитивную энергию на обдумывание заявлений и программ участников предвыборной кампании, он скорее останется на стороне большинства и проголосует за кандидата, которого поддерживает большинство.

Партийная же идентификация создает некое сито, с помощью которого человек пытается просеять происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентациям. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. Однако партийная идентификация вовсе не предполагает формальной принадлежности к конкретной партии. Она скорее свидетельствует о наличии определенного партийного предпочтения.

Таким образом, очерченные выше контуры когнитивной модели политического участия дают основания охарактеризовать ее как конструкцию, позволяющую проникнуть в мотивационные процессы, определяющие политические установки, влияющие на политический выбор.

С учетом влияния определенных ценностей на вовлеченность граждан в политический процесс в научной литературе выделяется ценностная модель политического участия. Политические ценности, как известно, в своем интегративном качестве (как совокупность политических идей, целей и представлений, лежащих в основе определенной политической практики) образуют мировоззренческий, идейный и социально-психологический каркас, своего рода матрицу, в рамках которой функционирует политическая система, развиваются политические отношения и связи, действуют политические акторы. В них находит свое выражение политическое целеполагание действующих субъектов политики. Они выступают в данном качестве с большей или меньшей интенсивностью во многом вследствие различий в их адекватности тем политическим реалиям, которые они отражают. Данные ценности могут обладать огромной побудительной силой к действиям; они же способны оставить политических субъектов равнодушными к ценностным образцам ввиду их абстрактности, заведомой нереализуемости.

В условиях модернизации важнейшими политическими ценностями выступают эко-

номические, социальные, политические права и свободы, политический плюрализм, легитимность власти, многопартийность и др., т. е. те, что относятся к функционированию демократического, правового государства.

Учитыая то обстоятельство, что политические действия являются либо ценностно ориентированными (когда индивид соизмеряет эти действия со своими ценностными представлениями), либо лишенными четкой ценностной ориентации (когда у человека не сложилась четкая система политических ценностей), Г.В. Пушкарева выделяет следующие основные политические действия.[11]

1. Ценностно ориентированное политическое участие. Данная форма участия связана с признанием индивидом нормативно-институционального порядка и фактической готовностью действовать в соответствии с требованиями политической системы. Причем участие может принимать оппозиционные формы, акции протеста, но они не выливаются в противоправные действия, дестабилизирующие политическую систему. Особенностью ценностно ориентированного участия является внутренняя убежденность индивида в необходимости предпринимаемых действий.

2. Ролевое политическое участие. Оно характеризуется ориентацией на сложившийся нормативный порядок, на соблюдение правил институционального взаимодействия при отсутствии или слабом выражении ценностного компонента политического поведения. Такого рода участие является результатом сложившихся в ходе социализации навыков выполнять принятые на себя политические роли.

3. Действия, направленные на создание нового политического порядка. Для такого участия характерно пренебрежение существующими социальными нормами, следование альтернативным политическим ценностям, пропагандируемым общественными организациями и их лидерами.

4. Действия, ориентированные на разрушение сложившегося политического порядка. Такие девиантного свойства действия отличаются импульсивностью, агрессивностью, спонтанностью и могут обладать разрушительной силой.

Совершенно очевидно, что модернизация наполняет ценностный потенциал общества новым содержанием. Процессы демократизации предполагают развитие таких основополагающих ценностей общественной жизни, как гласность, свобода слова, совести, плюрализм мнений, свобода действий ассоциаций и объединений и др. Это требует формирования демократической политической культуры общества, которая характеризуется толерантностью, диалоговой способностью, высоким уровнем политического сознания и мышления.

В последнее время исследователи обращают внимание на все большее усиление влияния «постматериальных» ценностей на мотивацию политического участия. Так, Р. Инглхарт, исходя из концепции «постматериальных ценностей», сформулировал иерархию потребностей, определяющих политическую активность личности в постиндустриальном обществе.[12]

Ученый отмечает, что для индустриальных обществ направленность политической деятельности граждан определяют требования стабильной экономики, борьбы с инфляцией, сохранения правопорядка. В постиндустриальном обществе возрастает роль таких потребностей, как самовыражение, самоутверждение и самоактуализация, инициирующих требования большей информационной открытости власти, предоставления ею необходимых общественных благ, поддержки развития институтов гражданского общества. Эти требования формируются в результате удовлетворения базовых потребностей, характеризуются отсутствием непосредственного материального содержания. По мнению Р. Инглхарта, изменившиеся ценности становятся важным фактором модернизации общества. Он отмечает, что лица, которых можно отнести к постматериальному ценностному типу, способны вкладывать больше ресурсов в конвенциальные формы политического участия.

В целом следует отметить, что ценностная модель политического участия самодостаточна; политические ценности и формирующиеся на их основе политические ориентации всегда могут быть актуализированы и актуализируются в политичес-

кой деятельности. И чем многообразнее политические ориентации, тем больше многообразия проявлений политического участия они закладывают.

Близкой к ценностной модели политического участия является аттитюдная модель. Под аттитюдом подразумевается внутреннее состояние субъекта, которое является реакцией на стимульные события и вызывает определенные действия.[13] Речь идет, с одной стороны, об индивидуальных установках, с другой – об ориентации на групповые ценности и нормы. В единстве и то и другое служит показателем идентификации индивида, его приспособляемости к той или иной социальной группе.

Следует отметить, что у активно включенного в политическую жизнь индивида в поведении преобладает, как правило, ценностный компонент; у индифферентного, пассивного человека он выражен незначительно, в своем политическом выборе он руководствуется эмоциями. Сказанное можно объяснить сложностью структуры социально-политической установки, когнитивная составляющая которой включает знания и убеждения. Аффективный компонент вбирает эмоции и чувства, содержащие либо позитивные, либо негативные оценки. Когнитивная компонента обращена к деятельностным способностям актора. Интересно, что аффективный компонент установки является более значимым и прочным, чем когнитивный: он активизируется в действия субъекта значительно быстрее. Действительно, установка, не имеющая отчетливо выраженной эмоциональной окраски, скорее всего является слабой, не сопереживаемой субъектом и не играет, следовательно, большой роли в мотивации и поведении человека.

Г. Дилигенский отмечает, что социально-политические установки (независимо от того, каким образом они возникли) играют специфическую роль компенсатора когнитивного дефицита. Они моделируют реакцию людей не только на знакомые, но и неясные, непонятные социально-политические ситуации.[14]

Однако при том, что аттитюды в целом управляют человеческими действиями, по определенным причинам возможно не только рассогласование поведения с аттитюдом, но и обратное воздействие на него со стороны поведения. Таким образом, в рамках данной модели исследователями признаются факты расхождений между установками и реальным поведением граждан. Это объясняется тем, что на выбор субъекта влияют иерархия реальных мотивов, уровень осознания ситуации, интенсивность связей со средой. В результате установка может расходиться с конкретным действием.

На основе углубленного теоретического и прикладного анализа социально-политических установок Г. Дилигенский пришел к выводу о том, что расширение «списка» ситуаций, рассогласованных с действиями, не решает проблемы, связанной с затруднением объяснения факторов человеческого поведения. Если стимулы объяснимы (это потребности и мотивы), то факторы индивидуального выбора сложно поддаются интерпретации и исчерпывающему научному анализу.[15] Но ведь именно из такого выбора и рождается действие, участие в общественно-политической жизни. Как нам представляется, теория аттитюдов, имеющая важное прикладное значение для осмысления влияния социально-политических мотивов и установок на характер политического участия, вправе получить дальнейшее теоретическое развитие в современной политической науке и обогатиться новыми эмпирическими обоснованиями.

Поскольку процесс модернизации в значительной степени расширяет возможности политического участия субъектов, последние оказываются в ситуации выбора – «ценностей», «более или менее полезного», «эффективного и неэффективного». Исходя из этого, политические акторы ранжируют предоставляемые им возможности в зависимости от того, насколько они удовлетворяют их потребностям. При этом они стремятся обрести максимум политической информации, которая необходима для вычисления наиболее выгодных инвестиций на политическом рынке.

Однако на этом действительно чрезвычайно богатом поле субъективного выбора действует ряд ограничений реального поведения, среди которых, во-первых, налич-

ные ресурсы (организационные, информационные, финансовые и др.), во-вторых, социальные нормы и предписания. Причем ограничения субъективного поведения, исходящие от социально-политических институтов, могут сопровождаться официальными санкциями – в одних случаях позитивными, в других – негативными, что оказывает на субъектов политических действий соответственно либо поощряющее, либо сдерживающее действие. В результате в одних случаях индивид может принять решение действовать в соответствии с правилами, а в другом – против правил.

Правила, определяемые институтами, с одной стороны, ограничивают возможности максимизации индивидуальной выгоды за счет других, а с другой – позволяют разрешать дилеммы коллективного действия, дают возможность принимать стабильные и предсказуемые решения. Действующие нормы оказываются эффективными, если устанавливается согласие относительно того, что определенные люди обладают правом контролировать (благодаря нормам) действия других людей. Очевидно, что достижение консенсуса препятствует росту характерной для коллективного поведения неустойчивости. В то же время нет никакой уверенности в том, что если суммировать действия отдельных членов общества, то может получиться результат, соответствующий модели политической рациональности одного актора.

Тем не менее индивид, хотя и не доволен личными издержками для производства социального результата, действует коллективно. Это объясняют теория коалиций и теория игр, аргументирующие положение о том, что каждый человек, участвуя в коалициях на политическом рынке, функционирующем сообразно правилам, получает больший результат, нежели действуя в одиночку.[16] Эффект «сцепления» индивидуальных усилий в какой-то степени повышает роль и значимость меньшинства, поскольку его представители тоже становятся участниками политического торга, соответствующего принципам конституционной демократии. Таким образом, коллективные действия способны демонстрировать результаты, недоступные для частных действий; они смягчают негативные последствия, которые способны нанести индивиду частные действия. На этой основе можно сделать вывод о том, что коллективные действия выгодны для рационального индивида. Последний считает целесообразным поступать в соответствии с нормативно-правовыми предписаниями в своих долгосрочных интересах.

Становится очевидно, что рациональный выбор способен минимизировать негативные ситуации в обществе. Такой выбор невозможен без анализа и оценки политической информации, которая оказывает на субъекта либо поощряющее, либо сдерживающее действие. Ограниченность информации приводит к тому, что человек оказывается неспособным предвидеть результаты своего участия и реакцию других на его действия, что не исключает ошибочного выбора. Поэтому рационально действующие акторы могут получать и нерациональные результаты.

К сожалению, модель рационального политического участия остается во многом равнодушной к значимости культурных норм и ценностей, хотя человек постоянно делает выбор из множества ценностей и стратегий. На его выбор, как известно, влияют самые различные факторы, в т.ч. внутренние убеждения, социальный контекст, внешний прессинг (навязывание выбора) и проч.[17] Тем не менее ценность модели рационального политического участия состоит в ее способности обеспечивать общественное согласие, сохранять устойчивость политической системы, развивать институт социального контроля, от чего в немалой степени зависят и результаты политической модернизации общества.

Следует отметить, что рассмотренные выше модели политического участия не идеальны; они не существуют в «чистом виде», в своих исходных положениях зачастую пересекаются и дополняют друг друга, что обусловливает возможность построения интегративных моделей политического участия, учитывающих взаимодействие факторов, являющихся базовыми для выделенных моделей. Среди та-

ких моделей автор предлагает рассматривать, в частности:

– модель расширенного политического участия, которая обеспечивает реальное всестороннее воздействие граждан на властные структуры, предполагает активную деятельность политических институтов, имеет широкую систему представительства интересов, развитый институт гражданского контроля;

– модель ограниченного политического участия, связанную с ограничением форм и способов политического волеизъявления;

– мобилизационную модель политического участия, которая характеризуется централизованным воздействием политических институтов с целью активизации общественно-политической активности.

Выделенные нами модели политического участия позволяют уточнить, как представляется, малоизученные содержательные аспекты участия в политике, степень зависимости данного феномена от социально-демографических факторов, ценностных ориентаций субъектов политических действий, их когнитивных возможностей, мотивационных установок, уровня развития политической культуры, характера функционирования демократических институтов, иных условий и факторов.

В целом теоретический анализ показывает, что политическая модернизация, являясь важнейшим видом политического развития, призвана сформировать современные структуры мотивационных механизмов политической активности, обеспечить многообразие форм социально-политического участия. Важнейшим условиями эффективности политической модернизации становятся вовлеченность граждан в систему представительной демократии, открытая конкуренция элит, наличие необходимых институционализированных структур и механизмов для артикулирования и агрегирования общественных интересов.

[1] Кравченко И.П. Модернизация мира и сегодняшней России // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 11.

[2] См.: Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. № 3. С. 93.

[3] Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России // http: //ss.xsp..ru/st/index.pht

[4] См.: Бусыгина И.М. Модернизация и проблема эффективного государства // Политическая модернизация в глазах экспертного сообщества. М., 2012. С. 89–91.

[5] См., в частности: Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; Красильщиков В.А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Пантин В.И. Циклы реформ и контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. 2011. № 6.

[6] См.: Пантин В.И. Возможности цикличеки-волнового подхода к анализу политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 22.

[7] Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. N.-Y., 1972. P. 336.

[8] См.: Терещенко А.Г. Липсет о социальных основах политического поведения избирателя // Социально-политический журнал. 1996. № 4. С. 184.

[9] Leijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis / Ed. By Rose. P. L., 1988. P. 283 – 327; Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 141.

[10] См.: Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010. С. 293.

[11] См.: Пушкарева Г.В. Политология. М., 2002. С. 155–158.

[12] Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 170 – 172.

[13] См.: Гулевич О.А., Безменова И.К. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением. М., 1999. С. 15–16.

[14] См:. Дилигинский Г. Социально-политическая психология. Глава 3. М., 2001.

[15] См.: там же.

[15] См.: Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С.79–85, 90–93.

[16] См.: Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура. Полис. 2010. №6. С. 54–64; Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010. С. 85–92; Чемерис Е.С., Донцов С.А. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Полис. 2010. С. 68–75.